

ПО СНЕЖЕДИ – НА БЕЖИН ЛУГ

Речка Снежедь на карте области обозначена короткой тонкой ниточкой. «Снег, снежок, снежица...». Утверждают, что именно от этих красивых своей звучностью слов родилось такое ласковое название речки. Где-то на полпути от истока ее до устья — известный Бежин луг.

А дальше, вниз по течению, среди полей и перелесков — Спасское-Лутовиново, пролегали окрест дороги-тропы И. С. Тургенева. И если обошел он округу этой речки, если дала она ему вдохновение не только на «Записки охотника» — на много книг, на много лет, — то, стало быть, не такая уж простая эта речка Снежедь, вспоившая Тургенева-охотника, Тургенева-писателя. ...Сойдя на станции Горбачево, я прошел с километр и остановился у околицы села Селезнева. Именно по этому селу от Москвы через Тулу и далее к югу пролегалла Старо-Киевская большая дорога. Ездили по ней экипажи «благородных» и обозы купцов, почтовые кареты и крестьянские телеги, ходили краснорядцы с товаром и странники-нищие, ходили старухи на моление в Киев.

По этому же большаку, когда не было еще здесь железной дороги, не раз проезжал из Москвы в свое Спасское - Лутовиново и обратно Тургенев. По пути останавливался в Серпухове, в Туле, в торговом бойком селе Сергиевском (ныне город Плавск), которое, как он заметил, «славится во всей России своим особенно приятным и согласным напевом».

Неподалеку от Селезнева — маленькая деревня Наумовка. Большак, который пролегал здесь в недалеком прошлом, до известного укрупнения колхозов, теперь распахан вместе с межами, разделявшими мелкие колхозы. Остались лишь два свидетеля той старой дороги — две вековые лозины.

Трудно определить, сколько лет деревьям-старикам, этим стражам минувшей поры - сто или больше? Слышали ли их корни стук колес экипажа, на котором 125 лет назад ехал автор «Записок охотника», чтобы отбыть в Спасском-Лутовинове ссылку и «продолжить свои очерки о русском народе»?

Я вышел за Наумовку и там не увидел прежнего большака. Куда ни глянь — поля и поля. Как в мираже среди степей, четко выделяется на фоне их скопление белых кубиков, напоминающих стайку птиц на отдыхе. Это поселок Федоровский — центр одноименного совхоза. Отсюда и начинается согласно географии тургеневская речка Снежедь.

В ложбине, которую пересекает асфальтовая дорога, связывающая совхозный поселок с ближней станцией Скуратово, вижу родничок в зеленой круговинке травы. Рассматриваю, запоминаю эту крохотную синенькую струйку, даже на вкус попробовал — чиста и студена подземная вода. Но только отошел от родника, ручей вдруг стал неузнаваем, будто не из воды он состоял, а из нефти. Ниже родника, из промоины на склоне лощины, торчал вроде пушечного дула конец трубы, из которой с шумом выхлестывала совершенно черная струя. Дальше, где к первой лощине примыкала другая, вливался новый ручей и тоже не чище этого.

Поднялся из лощины, увидел на одном из деревенских огородов пожилого мужчину, косившего ботву картофеля, и, конечно, подошел к нему, поговорить о ручье, об истоке Снежеди: почему он так непригляден.

— Э-э, мил человек, — с каким-то особенным, ласковым напевом заговорил мужчина. — Один-то ручеек, видишь ли, от поселка совхозного, от наших коммунальных удобств. А другой... видишь ли, вон, на горушке, спиртозавод стоит да ферма, где свиней откармливают? А посмотрел бы, какой со станции Скуратово течет, — тоже не чище вот этих.

— Небось, и рыба-то здесь не водится?

— Что ты, мил человек, какая тебе тут рыба! Видишь ли, гуси с утками боятся подходить, а то — рыба...

— Так что же вы молчите- то?

— Кто, я, что ли? — непонимающе смотрит на меня косец, — Э-э, мил человек, почище меня люди говорили, да все мимо ушей.

Так и продолжают здесь безнаказанно губить природу, хотя не такая уж это сложная проблема соорудить простейшие отстойники, закрыть путь хотя бы нефтяным отходам спиртозавода.

Ниже по течению, за деревней Большое Федулово показалась толпа приречных раки — первые на пути Снежеди зеленые охранники. Затем они исчезли, уступив место открытому долу, но скоро новая, более внушительная «застава» таких же охранников поднялась над речкой, как бы беря ее под защиту от злого неприятеля. Тут уже совсем остепенилось течение, раздаваясь в тихие заводи, зазеленели ряской берега и мелководья. И вот, наконец, процеживаясь сквозь сито растений, посветлела Снежедь.

Но только за Михайловкой речка приняла совсем иной вид. Спустившись с пригорка, я порадовался: на дне ее четко просматривались все камешки. Место здесь родниковое, из каменистого берега тут и там били ключи, оттого и осветлилась Снежедь.

За Михайловкой показалась деревня Дворики. Именно отсюда, с высокой кручи, заметил я первую рыбу — небольшую стайку верховодной плотвы. Она спокойно разгуливала по невеликому, пятишестисаженному пространству. Но все-таки это была настоящая речка — с омутами и заводами, с перекатами, на которых даже издали просматривались большие и малые камни, с лозняками по берегам и, чему особенно можно было радоваться, с живой, хотя и мелкой, рыбешкой.

Довольно долго шагал по узкой стежке вдоль берега. Поднявшись на высокий его гребень, увидел крайние дома деревни Хитрово, а возле речки аккуратный побеленный дом в окружении высоких деревьев. Даже издали можно было догадаться: островок этих старых деревьев не что иное, как бывший парк. Так оно и оказалось. Первый встречный, назвавшись местным учителем-пенсионером, пояснил; остаток парка — это бывшее поместье Дельвигов. Вернее, матери того самого Дельвига, поэта славной лицейской плеяды, о котором в свое время Александр Пушкин сказал:

Мы рождены, мой брат названный,
Под одинаковой звездой.

— Дом у Дельвигов был, как видите, небольшой, — показал Дмитрий Михайлович на чистенькое голубовато-белое здание (теперь здесь начальная школа). — Вот, заметьте, два низких полуокна — это полуподвальное помещение. Выход из дома был на две стороны — на юг и север. Парк с его аллеями и цветником напоминал полуостров, тут же и купальня была, и баня...

Затем он пояснил, что главная усадьба Дельвигов была сначала не здесь, а в Белине (отсюда в четырех верстах) и что деревни Хитрово тогда на левом берегу не было — это позднее, после революции крестьяне переселились сюда, поближе к плодородной земле. Затем уже в послевоенное время колхозники трех деревень Хитрово, Дворики и Камушки построили здесь сообща гидростанцию (остаток плотины заметен с пригорка, когда идешь по деревне).

Дмитрий Михайлович провел меня по парку, поясняя, как он обновился молодой порослью, и только дуб один да три огромных серебристых тополя все еще хранили прошлое. Здесь, в этом парке, бывали Тургенев и Лев Толстой, поскольку в двух верстах отсюда, в селе Покровском, жила в своей усадьбе сестра Толстого Марья Николаевна. И Дельвиги, родные поэта, бывали у нее.

— А уж в Покрове том-то, известно, Тургенев был не однажды, — добавил рассказчик, — И один приезжал, и с Львом Николаевичем. Там он сдружился с его сестрою Марьей Николаевной, читал свои рукописи, посвятил ей повесть «Фауст»...

— Простившись с рассказчиком, я скоро оказался в Покровском. Две улицы с несчастными домами, одна из которых тянулась по холму с севера на юг, а другая — от ее середины — спускалась почти к самой Снежеди.

— Старый дом Толстых, вернее, оставшаяся его часть стоит на склоне холма. Сейчас уже не тот у него вид: обновлен кирпичной пристройкой, терраской и палисадом перед окнами, — дело рук нового хозяина. Сын его, недавно вернувшийся с армейской службы, тотчас же вызвал «самого», и тот проявил, конечно, интерес. Так и познакомился я с Олегом Ивановичем Жикиным, колхозным механизатором и хозяином этого дома.

— Видите, побеленная половина осталась нетронутой? — показал он на осевшую от давности нижнюю часть дома. — А вплотную к ней примыкала деревянная пристройка в одну линию, столовая в ней была. Перед окнами цветники были, а позади дома — сад яблоневый. Видите, — кивнул повыше дома, — канава вон еще цела да акация старая.

Олег Иванович припомнил, как рассказывали старики: в Покровском мельница была с крупорушкой, речка возле плотины широко разлилась, и были у хозяев усадьбы лодки, на которых в часы досуга они катались с гостями. Потом узнали местные крестьяне, что гостиwali здесь два знаменитых писателя.

— Село наше, конечно, поубавилось, — заметил Олег Иванович. — Сами понимаете, все к центру

тянутся, где жить удобнее. А память все ж таки про Тургенева осталась. Слышал, будто доску хотят установить на доме, как ее...

— Мемориальную?

— Вот-вот, эту самую. Чтобы знали люди, какое это место...

От Покровского виднелись живописные холмы над Снежедью, небольшие деревни Липицы, Петровское, Красная Горка, Хозиково. Перейдя через реку возле деревни Хозиково, невольно залюбовался видом на Тургенево. То самое, которым владел брат писателя, Николай Сергеевич, где

Тургенев бывал много раз. И не просто бывал, а жил месяцами, охотился в окрестных местах, писал и вынашивал замыслы своих произведений. Словно на ладони, виделся мне омоложенный парк, что тянулся от дороги, от подножия холма на самый его гребень. В центре парка, левее и ближе к селу, четко просматривались шахматные ряды яблонь, правее и выше, как бы раскинув орлиное крыло, густо зеленели рослые сосны. От них ниспадала к Снежеди почти отвесная круча, и блистающая лента реки плавно выгибалась у самой подковы крутого каменистого холма.

Я зашел в тургеневскую школу и, конечно, увидел там немало перемен. Классы ее вместе с коридором стали светлее, просторнее, парты, полы и панели стен блестели свежей краской. Рядом с белым зданием школы — такие же аккуратные интернат и столовая, построенные на месте бывшей бумажной фабрики, пришкольный участок с цветниками и садом. Есть у школы и свое подсобное хозяйство, свои два трактора и автомашина, ученическая производственная бригада — помощница родному колхозу.

Пройдя низом парка, мы оказались на разлучье правого берега Снежеди. У заброшенного, густо поросшего кустарником водоема.

- Сажелкой его называют, - пояснил учитель-пенсионер Ф.Ф. Смирнов. — В старое время рыбу сюда в половодье запускали, а потом вылавливали.

Поднявшись в конец парка, мы оказались перед немногими домиками, отделенными от Нового Тургенева, как называют здесь село, с юга — парком с ручейком, прозванным Азаркой.

- А там вон, за оврагом, за домами Нового Тургенева, рошица березовая — видите?— показал Федор Федорович. — Стрелицей ее называют. Говорят, беглых людей там когда-то казнили. С нее-то и писал Тургенев рассказ «Свидание».

Здесь, у приовражного пустыря, мы расстались, и я взял направление на Стрелицу. Влево, как только вышел из оврага, завиднелись на взлобке холма памятник Тургеневу перед зданием колхозного правления, выше — механизированный ток, машинная мастерская, водонапорная башня, еще какие-то постройки, скрытые в зелени деревьев. За ними Стрелица открылась как на ладони. Небольшая, она обступила вершину лощинки и просвечивалась вся насквозь, обласканная утренним солнцем, вместе с распущенным по ней деревенским стадом. Вот эта самая роца и поведала писателю печальную судьбу простой крестьянской девушки.

Оглядел на прощание рошицу и свернул в поле, чтобы выйти к Бежину лугу.

Едва не заплутав среди заброшенных карьеров, кустов и деревьев, густо укрывавших русло Снежедка, вышел наконец к долинке, где ручей роднился со Снежедью. Чистый он был здесь, и Снежедь тоже чистая, у берегов просвечена до мелких камешков. «Вот такими и должны быть наши ручьи и реки», — подумал я, мысленно сравнивая их с истоком у Федоровского поселка.

А. КОРНЕЕВ, писатель.